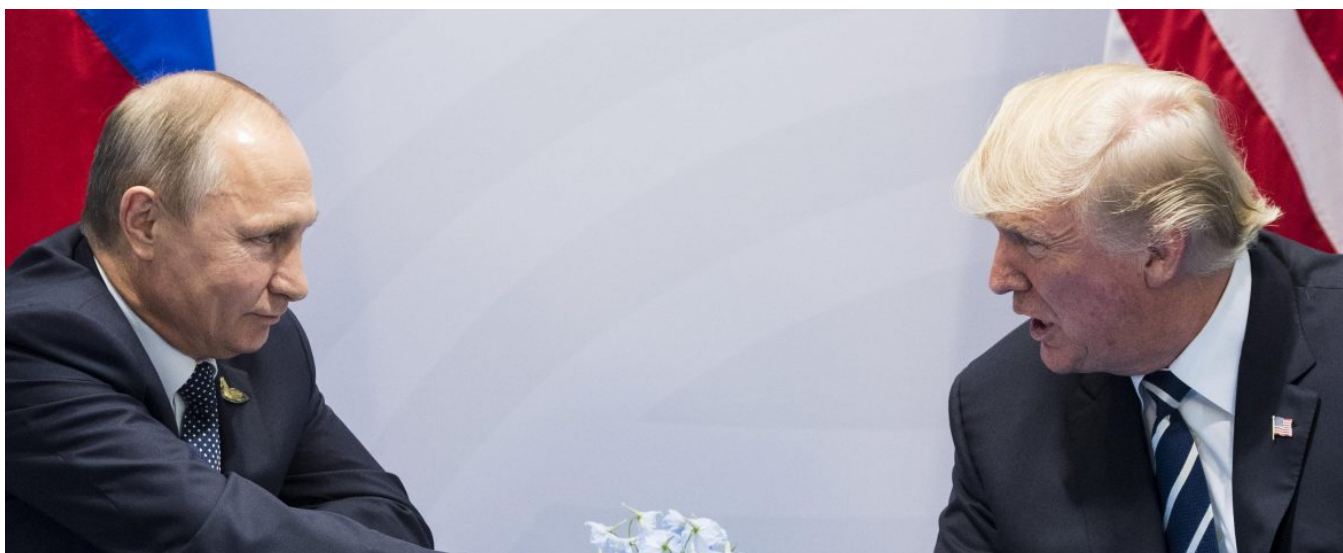

12.07.18

ПРЕДЕЛЫ ОЖИДАНИЙ ОТ РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКОГО САММИТА

ОПРОС АМЕРИКАНСКИХ ЭКСПЕРТОВ

В преддверии первого российско-американского саммита на высшем уровне мы задали вопросы о его возможных результатах ведущим американским специалистам по России – Эндрю Качинсу, Александру Кули и Джеффри Манкоффу.

Известно, что многие в США, включая в администрации Президента и правительственных учреждениях, отговаривали Д. Трампа от встречи с В. Путиным, были настроены критично в отношении самого намерения организовать такую встречу. Почему Трамп, тем не менее, желает провести этот саммит?

Эндрю Качинс, старший научный сотрудник Центра евразийских, российских и восточно-европейских исследований Джорджтаунского университета

Желание Трампа встретиться с Путиным и попытаться вывести более позитивную основу для российско-американских отношений является одной из немногих тем, где его позиция была последовательной с начала президентской кампании еще в 2015 году. Так что это не должно удивлять. Аналогичным образом, недовольство Трампа расследованиями по «российскому делу», «рейдерский захват» Конгрессом политики на российском направлении и принятие прошлым летом закона «О противодействии неприятелям Америки через санкции» (CAATSA) лишь подзадоривает его идти тем путем, которым, по мнению многих, он идти не должен. Наконец, он убежден, что является величайшим переговорщиком в мире, поэтому наслаждается возможностями сделать что-то, что у других не получилось, как например его предполагаемый прорыв на переговорах с Ким Чен Ыном.

Александр Кули, профессор политологии и директор Гарримановского института по изучению России, Евразии и Восточной Европы

Все более очевидной последовательной чертой внешней политики Трампа является то, что она до крайности персонализирована, лично-ориентирована. Он постоянно игнорирует советы своего бюрократического аппарата, советы экспертов и пренебрегает формальными политическими каналами ради разного рода разрушительных прокламаций, нацеленных на то, чтобы сделать его центром внимания и творцом политических решений. Трамп также, очевидно, предпочитает двусторонние саммиты многосторонним форматам, таким как «Большая семерка». На двусторонних встречах легче акцентировать «визуальные эффекты» и получить внимание СМИ вместо того, чтобы работать над принятием консенсусных деклараций. Политика Трампа по отношению к России – яркий пример обеих этих тенденций. Трамп явно чувствует, что у него складывается «личная химия» отношений с Путиным и стремится к тому, чтобы его воспринимали как великого специалиста по заключению сделок.

Джефф Манкофф, старший научный сотрудник и заместитель директор программы по России и Евразии в Центре стратегических и международных исследований (CSIS)

Интерес Трампа к проведению саммита заключается в его стремлении к зрелищу, созданию призрачного образа «большой победы». Как и саммит с лидером Северной Кореи, Трамп рассматривает встречу с Путиным в качестве возможности разрубить Гордиев узел проблем, которые ставили в безвыходное положение его предшественников. Он стремится продемонстрировать, что он единственный, кто может «починить» российско-американские отношения, которые встали на слишком опасный путь. Для Путина же, саммит – возможность сесть за пресловутый «высокий стол» с американским президентом, на равных обсудить с ним глобальные проблемы. Саммит также представляет для Путина возможность продемонстрировать, что несмотря ни на что, он – и, в этом смысле Россия – не находится в изоляции – и что даже у США не осталось выбора как искать способов «вовлечения» России.

Предстоящий саммит наверняка будет наполнен символизмом, но многие в Москве и Вашингтоне сомневаются в его содержательном наполнении. Что, по Вашему мнению, этот саммит в лучшем случае может принести? И что можно было бы считать «худшим итогом» встречи?

Эндрю Качинс

Обе стороны, кажется, умаляют вероятность каких-либо прорывов на этой встрече и преподносят сам факт встречи двух лидеров, их возможность вести диалог, как достижение само по себе. Ситуация в Сирии сейчас занятая: видимы возможные расхождения между российскими и иранскими интересами по вопросу долгосрочного присутствия иранских войск и лояльных Тегерану групп шиитского ополчения для создания «коридора влияния» в Ливане. Израиль ясно дал понять Москве и другим игрокам, что считает присутствие Ирана в Сирии угрозой своей безопасности и не потерпит этого. В этой связи, важный вопрос на повестке саммита – до какой степени Москва готова сдерживать своих иранских партнеров. Урегулирование Сирии и мир на Ближнем Востоке в более широком смысле – конструктивная повестка дня.

Александр Кули

У вопроса правильная предпосылка – оба лидера будут акцентировать символизм и приветствовать широкое освещение встречи в международных СМИ. Однако, как мы успели заметить еще в прошлом году, у Трампа не так много основополагающих убеждений, и он с легкостью пренебрегает нюансами политики, советами по ключевым политическим вопросам. В этой связи, опасностью этого саммита – как мы видели по сингапурской встрече с Ким Чен Ыном – может стать согласие Трампа по контурам «большой сделки» по Сирии, по Украине или расширению НАТО, а потом эти решения будут заблокированы бюрократией и Конгрессом. Это, в свою очередь, скорее всего, приведет – уже в который раз – к завышенным ожиданиям и последующим разочарованиям.

Джефф Манкофф

Как минимум, саммит представляет шанс начать диалог между Москвой и Вашингтоном по значимым вопросам, особенно, таким как будущее контроля над вооружениями и архитектура европейской безопасности. Наиболее успешным итогом, вероятно, было бы возобновление двумя сторонами каналов коммуникации, которые в последние годы только один за одним отмирали. Также два президента могли бы выразить приверженность сохранению соглашений СНВ-3 и РСМД как основам стратегической стабильности, в то время как США в качестве критериев дальнейшего прогресса в двусторонних отношениях выдвигают требования по выполнению Минских соглашений и прекращению практики российского политического вмешательства. Более конкретные соглашения представляются маловероятными ввиду недостатка соответствующих приготовлений, да и, честно говоря, действующих исполнителей на сегодняшний день. Худшим возможным исходом мог бы стать неудовлетворительный итог саммита НАТО на этой неделе, после которого бы коммюнике встречи Трампа и Путиным не содержало бы упоминаний ни Минских соглашений, ни российского вмешательства и где бы Трамп обозначал приверженностью снижения давления США на Россию без соответствующих уступок со стороны Москвы.

Российский МИД предостерег против злоупотребления такими громкими словами как «прорыв» в отношении саммита, однако сейчас проходят встречи на уровне экспертов и дипломатов, которые заняты формированием повестки для встречи двух президентов. Вы ожидаете каких-то конкретных соглашений, в частности по Сирии и Украине, в сфере контроля над вооружениями?

Эндрю Качинс

Я не ожидаю больших прорывов в Хельсинки, но, возможно, обеим сторонам удастся договориться о создании рабочих групп по Сирии, ядерной безопасности, кибербезопасности. Насколько я понимаю, последняя тема как раз обсуждалась на самой первой встрече Путина и Трампа, что впоследствии вылилось в очень спорный сюжет, обернувшийся новыми неприятностями для Трампа, но это не отменяет необходимости диалога по этим вопросам. Вне зависимости от того, хотят ли стороны существенно сократить свои ядерные арсеналы – пока представляется, что такого желания ни у одной из сторон нет – им необходимо уже сейчас начать обсуждать перспективы обновления соглашения СНВ-3, срок действия которого истекает в 2021

г., соглашение по РСМД, и тому, на основании чего выстраивать повестку дня ядерной безопасности, если действующая основа исчезнет. Без такого диалога мы рискуем оказаться перед лицом более опасного ядерного противостояния, чем в начале 1970-х гг.

Александр Кули

По этому вопросу я полон пессимизма. Трамп неоднократно высказывал мысль о том, что рассматривает модернизацию и наращивание ядерного арсенала важнейшей основой военной мощи США. Что касается других вопросов, Трамп ищет возможности для вывода американских войск из Сирии, поэтому будет открыт к обсуждению российских планов и предложений. Другой вопрос – последует ли Пентагон за решением Президента по скорому выводу войск. С Украиной гораздо сложнее. Внутренний круг Трампа будет действовать с оглядкой на расследование специального советника на предмет связей членов избирательной кампании Трампа с акторами, имеющими свои интересы во «внутриукраинских делах».

Джефф Манкофф

Соглашения бывают разными. Записать договоренности на бумаге относительно легко как показал саммит Трампа с Кимом. Сложность в том, чтобы потом претворить эти договоренности в конкретные шаги для решения главных проблем. Вопрос Сирии, в этом смысле, решить относительно легче, учитывая, что в целом цели России и США там не являются диаметрально противоположными: гражданская война в этой стране подходит к завершению, Трамп хочет сократить американское военное присутствие – что Путин также поддерживает – и обе стороны хотели бы ограничения иранского присутствия. Поэтому какую-то сделку по этому вопросу представить возможно, даже если по своему масштабу она будет не очень амбициозной. С Украиной все много сложнее, особенно с учетом графика выборов в этой стране, политической неопределенности, не говоря уже о том, что цели России и США там сильно расходятся. Повторюсь, на бумаге какое-то соглашение возможно, но, по существу, маловероятно.

Будущее режима контроля над вооружениями под большим вопросом. Отчасти, это происходит из-за развития новых типов вооружения, которые могут обладать стратегическим эффектом, сравнимым с ядерными вооружениями, но действующие соглашения в этой сфере на них не распространяются. Но отчасти, такое стало возможным, потому что, занимающиеся этими вопросами чиновники утратили чувство неотложности, которое всегда в прошлом сопровождало работу с такими вопросами. По одному каждая из этих проблем решается. Но вместе, да еще в одно и то же время, создают крайне сложную ситуацию. Новые технологии и ядерное распространение требуют новой правовой базы, новых концептуальных рамок, которые бы увязывали стратегическое и нестратегическое ядерное оружие, стратегические обычные вооружения и, возможно, кибер-возможности стран. Я мало верю в способность этой администрации США размышлять на таком концептуальном уровне, даже если бы у нее была должная политическая воля. Так что, если действующие соглашения развалятся, неопределенность и нестабильность станут наиболее вероятным результатом.

После саммита, мы увидим много сообщений, смакующих детали встречи: язык жестов двух лидеров, поднял ли Трамп тему пресловутого «российского вмешательства», да и сама пресс-конференция двух президентов обещает стать

большим шоу. А что останется, когда уляжется пыль информационных поводов? Может ли этот саммит вывести две страны на что-то большее?

Эндрю Качинс

Если, по результатам встречи, Президенты распорядятся создать соответствующие двусторонние комиссии или «расширить диалог» по Сирии, ядерному оружию, кибербезопасности и Украине – это бы стало небольшим шагом вперед. Степень свободы действия у Путина больше, чем у Трампа, но он не выказывает склонности использовать этот фактор. Трамп будет в меньшей степени ограничен в своих действиях, только когда и если закончится расследование по «российскому делу» и он будет «реабилитирован», а республиканцы удержат большинство в Палате представителей на промежуточных выборах в ноябре.

Александр Кули

Трамп с большой долей вероятности столкнется дома с новой волной критики из-за этого саммита, особенно если он продолжит свой враждебный настрой в отношении союзников по НАТО. Дополнительной проблемой для российско-американских отношений будет сопряжение провокационной повестки самого Трампа с примирительной политикой в отношении России. Иначе говоря, персонализируя российско-американские отношения, он рискует столкнуться с сильным внутривнутриполитическим сопротивлением. Если расследование специального советника Р. Мюллера по вмешательству России в американские выборы и сговору с сотрудниками избирательной кампании Трампа приведет в течение ближайших нескольких месяцев к новым обвинительным актам, политический контекст внутри США станет еще более сложным. Мое личное мнение – для того, чтобы добиться существенного прогресса в двусторонних отношениях, необходимо, чтобы американская политика в отношении России базировалась на двухпартийных принципах и внешнеполитическом консенсусе. Текущая турбулентность во внутренней политике США пока не позволяет такому консенсусу сформироваться.

Джефф Манкофф

Если саммиту удастся задать необходимый импульс для постоянного взаимодействия с Москвой без того, чтобы Трамп «сливал» важные для Америки обязательства, тогда это событие можно квалифицировать как успех. На данный момент, регулярный и постоянный диалог между Москвой и Вашингтоном, вкуче с признанием того, что ни одна из существующих между двумя странами проблем не может быть решена без соответствующих переговоров, можно было бы расценивать как «улучшение отношений».

Источник: **Пределы ожиданий от российско-американского саммита**

ОБ АВТОРЕ

Максим Сучков

Старший эксперт

Местоположение: Москва, Россия

Сфера компетенций: Ближний Восток, США

Область экспертизы: Специалист по внешней политике США на Ближнем Востоке и Южном Кавказе. Исследователь проблематики лоббизма в международных отношениях.

Профессиональный опыт: Старший научный сотрудник Лаборатории анализа международных процессов МГИМО МИД России. Редактор издания «Al-Monitor». Эксперт Российского совета по международным делам. Был приглашенным исследователем в Нью-Йоркском и Джорджтаунском университете.

